языковых навыков, но и углубляет понимание культуры и истории Беларуси. Внедрение ономастики в учебный процесс делает обучение более интересным и эффективным, позволяя студентам погружаться в богатый мир культуры изучаемого языка.

Литература

1. Горегляд, Е. Н. Региональный компонент в практике преподавания русского языка иностранным студентам (ономастический аспект) / Е. Н. Горегляд // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей : к юбилею доктора филологических наук, профессора А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – С. 48–53.

2. Мезенко, А. М. Мемориальные урбанонимы как трансляторы исторической памяти народа / А. М. Мезенко // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 74-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февраля 2022 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 198–199.

3. Мезенко, А. М. Теория имени собственного : учебное пособие / А. М. Мезенко, В. М. Генкин, А. Н. Дервяго ; под общ. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – 202 с.

4. Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии / Р. В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 14–19.

Ж.К. Гапонова

Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского
e-mail: jangap1@mail.ru

УДК 81'373.23

ДВУОСНОВНЫЕ И СОСТАВНЫЕ ПРОЗВИЩА Г. ЯРОСЛАВЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ XVII ВЕКА)

Ключевые слова: *региональный антропонимикон XVII века, двуосновные прозвища, мотивировочный признак, классификация лексики.*

В статье рассматриваются ярославские двуосновные и составные антропонимы, зафиксированные в памятниках деловой письменности XVII века. Благодаря установлению мотивировочных признаков, положенных в основу именованний, становится понятной система взглядов и представлений человека того времени. Сопоставление материалов ярославского антропонимикона с данными исследований других регионов позволяет сделать вывод как о достаточно стабильном наборе признаков, положенных в основу прозвищ и патронимов, образованных на их основе, так и о региональном аспекте, проявляющемся во внутренней форме ярославских прозваний.

**TWO-STEM AND COMPOUND NICKNAMES OF THE YAROSLAVL
(BASED ON CADASTRES OF THE XVII CENTURY)**

Key words: regional anthroponymicon of the XVII century, Two-Stem Anthroponyms, nicknames, motivational feature, lexical classification.

The article deals with Yaroslavl Two-Stem and compound anthroponyms recorded in the monuments of business writing of the XVII century. Thanks to the establishment of motivational features, which are the basis of the names, the system of views and perceptions of the man of that time becomes understandable. The comparison of the materials of the Yaroslavl anthroponymy with the data of studies of other regions allows us to conclude both about a rather stable set of features underlying nicknames and patronyms formed on their basis, and about the regional aspect manifested in the internal form of Yaroslavl nicknames.

Несмотря на большое количество работ, посвященных формированию российского антропонимикона, некоторые аспекты региональных антропонимических систем, в частности на территории Ярославского края, длительное время не изучались. Классификация лексем по разным семантическим признакам, положенным в основу антропонимических единиц, позволяет выявить наиболее значимые фрагменты языковой картины мира говорящих рассматриваемого периода, соотнести факты номинации человека с этнокультурными установками ярославцев. Неравномерность изучения русского антропонимикона побуждает нас обратиться к ярославским двусловным антропонимам, не рассматривавшимся в качестве самостоятельного объекта исследования, однако представленным в работах ономастологов других регионов (И. А. Кюршунова, С. Б. Веселовский, И. М. Ганжина, О. А. Черепанова и др.).

Материалы для данного исследования извлекались методом сплошной выборки из Перечневой о38писи города Ярославля 1630 года, опубликованной в «Ярославских губернских ведомостях» в 1861 [38], списка с выписи из писцовой книги, содержащей описания дворов Пажецкой волости, а также Спасской и Богоявленской слобод, Дмитровской сотни и расположенных вокруг них земель города Ярославля 135, 136, 137 гг. [41], а также писцовых, дозорных, межевых и переписных книг XVII в., представляющих результаты переписи ярославского городского населения 7129 (1621), 7154 (1646), 7177 (1668), 7178 (1669) и 7180 (1671), 7194 (1685) опубликованных в 1913 г. Ярославской ученой архивной комиссией [30; 31; 32; 33; 34; 35].

Обращение к корпусу ярославских двусосновных прозвищ или патронимов и фамильных прозваний, образованных от прозвищ, обусловлено и мнением ономастологов о недостаточной степени изученности таких антропонимических единиц: «составные прозвища (в отличие от композитов) являются на сегодняшний день практически не описанным антропонимическим материалом. Вероятно, это связано с их единичной представленностью в документах донационального периода» [8, 66]; «Будучи творческими новациями диалектных групп населения, они представляют значительный интерес для исследователей» [2, 109].

В отличие от двусосновных личных календарных имен, внутренняя форма которых была связана, как правило, с благопожеланиями новорожденному, в основу прозвищ могли быть положены указания на внешний вид человека, поведенческие особенности, черты характера, причем, что отмечается исследователями, взрослого: «...двусосновных прозвищ (большей частью соматизмов), характеризующих обычно взрослого человека, для которого основным условием являлось отношение к труду, что свойственно всем экспрессивным отапеллятивным и составным ономастическим номинациям исследуемого времени. Обе группы двусосновных именовании <личные имена-композиции и двусосновные прозвища – Ж. Г.> – своеобразный культурный код, расшифровка которого позволяет взглянуть на информативность антропонимических единиц как фрагментов, представляющих периферийную, региональную картину мира Руси XV–XVII веков» [8, 67]. Так, Е. Н. Полякова выделяет именовании, данные в каких-то особых обстоятельствах, среди которых «немало сложных прозвищ из словосочетаний («Чердынец Меркушка прозвище Малая Земля»)» [15, 215].

Следует отметить, что отличие прозвищ от некалендарных имен, как правило, связано с присутствием в семантике первых коннотативного признака, чаще оценочного, показывающего отношение к именуемому представителю социума, причем прозвание достаточно часто закреплялось за человеком и служило впоследствии основанием для возникновения патронима. Следовательно, установление внутренней формы наименования имеет не только лингвистическое, но и культурологическое значение. Именно поэтому, говоря об оценочном компоненте, положенном в основу именовании, В. Л. Васильев демонстрирует сомнение «в наличии у восстанавливаемого антропонима статуса внутрисемейного имени», склоняясь квалифицировать такую антропонимическую единицу как прозвище, «прозвание», второе имя, присвоенное человеку социумом. При этом лингвист указывает на изолированность таких именовании, считая, что они «не находят отражений за пределами региона» [2, 109]. С В. Л. Васильевым можно согласиться лишь отчасти: сопоставление материалов ярославского антропонимикона с данными других исследователей показывает некоторую повторяемость не только признаков, положенных в основу прозвищ, но и самих прозваний, что позволяет сделать выводы о некоторой стабильности

признаков в языковом сознании русского человека, получающих номинативное оформление в антропонимическую единицу, а также о региональных особенностях имянаречения.

По мнению В. Л. Васильева, «экспрессивно окрашенный компонент обычно находится во второй части антропонимического сложения. Все это, между прочим, означает, что постпозитивный компонент сложного антропонима обладает большей функционально-семантической нагрузкой, нежели препозитивный. Композитный антропоним, имеющий очевидную экспрессивность (оценочность), хронологически плохо привязан к древнеславянскому времени, поскольку создание двусловных имен-экспрессивов продолжает оставаться живым процессом по сей день (ср. относительно новые номинации людей типа *дуболом, саморуб, самострел, короед* и др.)» [2, 109–110].

В статье мы вынуждены лишь частично представить богатый антропонимический материал, найденный в ярославских источниках, однако даже небольшой по объему список двусловных прозваний и составных прозвищ позволит составить впечатление об особенностях ярославского антропонимикона. Рассмотрим именованья, мотивационный компонент которых связан с различными сферами жизнедеятельности человека XVII века.

Основу прозваний достаточно часто составляли соматизмы, указывающие на различные увечья человека: соматизм осложнен описательными компонентами и строится по модели – «компонент (*бело-, долго-, красно-, криво-, остро-, сухо-, сыро-, толсто-, тонко-, черно-, широко-*) + соматизм» [8, 63], ср.: *во дв. Илья Сухорукой бою копе* [32, 342] = *во дв. Илейка Сухорукой бою копье* [33, 463]; *во дворе охотникъ Сидорка Паломов* [43, 13]; *дв. посацково челоуѣка Гришки Палаумова пусть* [39, 181].

Среди именованний, в основе которых лежит указание на особенности внешности, можно выделить такие примеры: *гостя Василя Шорина приказщикъ Петрунка Ивановъ сынъ прозвище Чернобровка* [39, 107] = *во дв. вдова Татьяна Петрова жена Чернобровкаина у неѣ сынъ Александръ 9 лѣт бою пицал* [32, 267] = *во дв. вдова Петровская жена Чернобровки, у ней сынъ Алешка 10 лѣт бою пицал* [33, 405]; *дв. посацково челоуѣка Богдана Овѣвева сына Белоглаза*; *во дв. вдова Ирина Яковлевская жена белоглаза у неѣ детей Иван Дмитрей 12 лѣт бою копе* [32, 300] = *во дворенке вдова Оринка Ивановская жена Белоглазова у неѣ 2 сына Ивашко да Митка 12 лѣт бою копе* [32, 449]; *дв. бывал посацково челоуѣка Ивана Белобородова* [31, 113]; *...купчей тещи ево по продаже вдовы Ульяны Леонтьевской жены Полубородина 150-г году* [30, 612]; *во дворе Павел Кондратев сынъ Кривошея рыбной ловец* [31, 365] = *во дв. Пашка Кривошея бою пицал* [35, 577]. Как видим из примеров, большинство именованний имеют прозрачную внутреннюю форму благодаря корневым морфемам, известным литературному языку. Возникновение прозвищ или

патронимов на основе прозваний демонстрирует стремление человека обозначить словом наиболее существенный признак субъекта номинации, в частности цвет глаз, бороды или волос, наличие бороды или ее особенности, отличие тех или иных частей лица и тела.

В некоторых антропонимах основой прозвища становятся диалектизмы, как правило, сочетающиеся с корнем, известным литературному языку, например: *Иван Белогузов, крестьянин, 1545, Ярославль* [5, 35]; *Ивань Бѣлогузь* [42] = *Ивашко Бѣлогузь* [43] = *во дв. вдова Оксиница Ивановская жена Белогузова – у нее Васка обнищали* [31, 226]. Попытка выявить мотивировочный признак показывает пример множественной мотивации: 1) др.-рус. *гузня* – «задняя часть тела, ягодицы»; ср. *белогузый* – «с белой задней частью туловища» [СРЯ 4: 155; 27: 235; ВФ: 14] = «чел. с белым задом». > Отч. Белогускин, Белогузов [ПКВ: 24; ПКВМ: 186], Вологда (1629), Вологод. уезд (1701) [11, 21]; 2) голубь [9, 123]. В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского отмечено, что лица, носившие такое прозвище и фамилию, жили преимущественно в Новгороде [5, 83], фамилия отмечена в других регионах более позднего времени. В справочнике «Весь Петербург» (1910) фамилия *Голубев* встречается 150 раз, что подтверждает жизнеспособность версии о значении элемента *гуз* – ‘голубь’. Б. О. Унбегаун отмечает, что в течение веков голубеводство было очень распространено в России. От названий различных пород голубей образовалось большое количество прозвищ, а затем и фамилий. Предполагается, что они присваивались владельцам голубей той или иной породы (Белобок, Черноголовкин, Краснобрыжев, **Серогузов**, Синелобов, Турманов и др.) [26, 149]. По той же словообразовательной модели могло быть образовано и прозвище *Белогуз*, данное человеку, занимавшемуся разведением голубей с белым надхвостием (крестцом).

Среди нечасто встречающихся в других регионах антропонимов можно выделить патроним *Шумоволосов*: *Елизарка Шумоволосова <в овощном ряду>* [40]; *дв. Савка Шумалосова <вероятно, ошибка возникла при записи патронима на слух, ср.: Сидорка Палоумов [44, 13]; дв. посацково человѣка Гришки Палаумова пусть [31, 181] – Ж. Г.>* [31, 217], ср. в других регионах: *во дворе Микитка Кузьмин сын Шумоволосов, у него сын Алешка, сшел в салдаты. Во дворе Гришка Кузьмин сын Шумоволосов з детьми...* [39, 58].

Шумоволос, вероятно, то же, что *шимоволос* – ‘человек с распущенными волосами’ (Подп.) [21, 869]. Шумоволосом также могли называть лешего и водяного, представлявших с длинными спутанными волосами [14, 123]. «Шумоволос, шумоволосый леший – ‘нечистый дух; леший с длинными спутанными волосами’. Длинные, часто спутанные волосы, обилие шерсти, косматость отличают многих нечистых – от лешего и водяного до черта – и характеризуют их как наделенных сверхъестественными, колдовскими способностями. Длинные, густые волосы подобных существ как

бы хранят и эмануруют магические силы, влияния» [4, 208]. Безусловно, культурно-практический опыт русских людей сравнивать человека с различными мифическими существами приводил к появлению номинаций, возникающих на основе метафорического переноса: Л 5079. Человек с неприбранными, растрёпанными волосами: жиматый, шумоволос... [17].

Обращение к Ярославскому материалу в некоторых случаях позволяет существенно дополнить представление о ряде именовании, широко распространенных по всей территории России. Так, например, фиксируемый практически одновременно с данными по Устюгу и Вологде патроним Костоусов (*Ивашка Костоусова* [40] = *дворъ был посадиково челоуька Ѳедка Подшубника да Ивашко Костоусова* [31, 114] / *дв. вдовы Ѳедорки Ивановские жены Костоусовы – у неъ сынъ Ѳедка* [31, 114] = *во дв. Ѳедка Костоусов у нег 2 сына Алешка 17 лѣт, Сенка 2 годов бою бердыш* [33, 394]) исследователи возводят к антропониму *Костоус*, типологический статус которого не может быть определен однозначно – прозвище или некалендарное имя. Подобное прозвище могло определять особенности внешности и даваться человеку «с жёсткими, костяными усами» [11, 122–123] или шире – «с жесткими волосами» [10, 186]. Однако большинство исследователей склоняется к мнению о связи антропонима *Костоус* с «отмечаемым в фольклоре словом *костоусище* ‘колотье в костях’, ср. в вят. заговоре «*Прочище-урочище, костоломище-костоусище, озевище-ломотище*» [21, 51–52; 16, 190]. Участие в магических ритуалах дает основания поставить вопрос о возможности этого слова выступать в качестве некалендарного имени-оберега. Распространенность антропонимической единицы по преимуществу в ареале северного наречия позволяет увидеть и еще один возможный мотив именовании – от глагола *костоуситься* ‘хмуриться, быть насупленным’ (КОСТОУСИТЬСЯ. Хмуриться, быть насупленным. Арх: Котл. *Чего костоусишься, не радуешься?* (Котл, Наледино). [19, 90]). Прозвище *Костоус* мог в таком случае получить угрюмый человек.

Указание на особенности поведения, характера актуализируется в патрониме *Вертиколбаков*: *дв. посадиково челоуька Гришки Тимоѳьева сына Вертиколбакова* [31, 170]. Несмотря на то, что слово *колба* в русских говорах является полисемантом, что дает повод снова говорить о неоднозначной трактовке внутренней формы антропонима, мы склонны считать, что значение ‘голова’ [23, 14, 111] могло стать основой именовании – *вертиголовый*, определяющего невнимательного человека. Если принять во внимание значение слова *колба* – ‘особый сорт пшеницы’, то появляется вероятность связывать прозвище с определенным занятием человека, ср.: *колба*. 1. Особый сорт пшеницы, полба. 27, 64 (48), 73. Колоба, 48, 64. 2. Сорт ячменя [какой?]. *У колбы усики расположены с двух сторон*. 22. 36 [28, 5, 49].

В ярославских деловых документах встречаются примеры двуосновных антропонимов, указывающих на род занятий, что отражает общерусские

тенденции в имянаречении: *мѣсто Келейное пустое Ловецкое Ѳедора Туроносова* [31, 116]; *в том дворѣ живет Харитонъ Меркульев сынъ Туроносов торговой человекъ ловецкой крестьянинъ* [31, 146–147]; *Ярославец Лука Туроносов* [29]; *во дв. Пантелѣйко Иевлев Дуботолкъ у него 2 сына Ивашко 20 лѣт з годом Логинко 6 лѣт бою копье* [33, 473–474]; *во дв. Самѣсонко Акинѡиевъ сынъ Дуботолок у него сынъ Савка 16 лѣт бою бердыш* [32, 358]; *дв. посацкой вдовы Настасьи Ортемѣевы дочери Неждановские жены Глиновозова – у ней 2 сына Спиридонъ да Мартѣян обнищали* [31, 145].

Антропоним *Туроносов*, по мнению З. И. Власовой, является прозвищем скомороха, который носил маску *тура* [18, 349]: в Ярославской губернии были распространены представители династии, и упоминание об этих торговых людях есть в таможенных книгах других регионов.

Одно из значений слова *дубатолка* – ‘необтесанное и невыделанное дубовое корыто’ [1, 192] – позволяет объяснить прозвище умением человека работать с деревом, делать из него определенную утварь.

Среди ярославских антропонимических единиц встречаются прозвища, производные от глаголов, обозначающих действия и явления отрицательного свойства, например, порицающие пьянство: *посацкой вдовы Ульки Кондратьевской жены Одерибрюховы да сына еѣ Исачка Власѣва = Исачка Одерибрюхова* (в сапожном ветошном ряду) [40] = *дв. посацког человека Исачка Власѣва сына Одерибрюхова* [31, 116] (ср. к и.-е. корню ‘драть’ может быть отнесено прус. *dgasčius* ‘брюхо, пузо’, которое сравнимо по знач. с русским *драть брюхо* ‘нажираться’, *надраться* ‘напиться’); *во дв. вдова Татьяна Анисимовская жена Водожерова у неѣ сынъ Ивашко 8 лѣт бою копье* [32, 318] = *во дв. вдова Татьяна Анисимовская жена Водожерова у ней сынъ Ивашко 9 лѣт бою копье* [33, 416]; *во дв. Тишка Ѳедотов сынъ Водожеров бою пищал* [32, 318].

Как уже отмечалось, достаточно частотным в процессе обретения человеком прозвища является механизм оформления в антропонимическую единицу факта порицания, неодобрения, когда представителями социума отмечается любое отклонение от принятой в обществе нормы поведения, представления о красоте, внешнем виде человека и т. п. В меньшей степени встречаются в антропонимиконе прозвища, актуализирующие проявление человеком таланта или каких-либо других достоинств, например: *дв. посацково человекъ Ѳедора Савинова сына Краснопѣва / дв. вдова Овдолица Ѳедоровская жена Краснопѣвова у неѣ сынъ Ивашко 11 лѣт* [32, 319] / *во дв. вдова Овдолица Ѳедоровская жена Краснопѣва, у ней сынъ Ивашко 12 лѣт бою копье* [32, 417]; *во дв. Ермилко Краснопѣвов бою копье* [32, 417]. Последний упоминается в указателе имен, «по своему происхождению относящихся к сфере народной праздничной культуры», составленном З. И. Власовой [18]. В основе представленного антропонима – словосочетание, указывающие на умение человека красиво петь. Другим

примером актуализации положительной оценки в прозвище является: *Баженко Омеляновъ сынъ Сорокоумовъ* [43]. Фамилия от прозвища Сорокоум, данного мудрому, опытному человеку.

В документах деловой письменности Ярославля XVII века встречаются и составные (двусловные) прозвища, которые, как правило, наиболее интересны, поскольку демонстрируют местный колорит и особую выразительность внутренней формы: «в мотивационном плане экспрессивные двусловные прозвища близки составным именам» [8, 65]; «к числу типологизированных антропонимов, близких к уникальным, можно отнести редкие в деловой письменности XVI–XVII вв. двусловные некалендарные личные имена [22, 217–218].

Приведем некоторые примеры составных прозвищ, зафиксированных в памятниках деловой письменности Ярославля в сопоставлении с данными других регионов: *Федки большой бороды <в юхотном ряду>* [40]; *дв. Митюшки большой бороды* [Книга переписная. 1646. с. 218]; *И въ прошлыхъ же, государь, во 116 году, какъ пришелъ къ Угличу съ рускими людьми Третьякъ Большая борода* [45, 373]; *дв. посацково человекъ Никитки Трөвимова сына Тяжелые короби у – нево дѣтей Федоско да Олешка* [31, 181]; *дв. посацково человекъ Куземки Ермолина сына Кривые горницы – у нег детей сынъ Макарко 15 лѣтъ другой сынъ Сенка 10 лѣтъ, Мартемянко да Маркелко по 4 года* [31, 170] (ср.: *дв. Тимоха Спиридонов сын Кривая Горница да дети его Гриша да Мартышко да зять его Ерасимка Яковлев сын да зять же его Онтропко Клеметьев сын* (в Пустозерской волости) [41]; запорожские фамильные прозвища всегда выделялись некоторой экстравагантностью – например, в Нарымском остроге отбывал службу Пётр Жадная Брага, в Берёзове – казак **Кривая Горница**, потомки которого – **Кривогорницыны** – служили в Енисейске, Красноярске и Якутске, а якутские казаки, в свою очередь, при крещении подарили эту запорожскую фамилию западнокамчатским аборигенам камчадалам Кривогорницыным... [3, 145]). По-видимому, такое прозвище могли получить те, кто живёт в покосившейся избышке.

Современному человеку с точки зрения лексической сочетаемости может показаться интересным прозвище **Высокие щипы**: *во дв. Осипъ Филиповъ Высокие щипы (с) сыном Тимоѳеємъ бою 2 копыя* [32, 278] = *во дв. Оска Филиповъ Высоких штей, бою копе* [33, 392]; *у нег живет сынъ ег Тимошка, бою копе ж*; *во дв. Василей Осиповъ Высокие щипы у него 3 сына Иван 16 лѣтъ Дмитрей 12 лѣтъ Осипъ 5 лѣтъ бою щипал, а ныне живет таможенной избы подячей Борис Орлов* [32, 280]; *во дв. Иван Осипов овчинник Высокие шипы с сыном Иваном бою щипал* [32, 294–295] / *Оска Высокие шипы живет у Ивашка Высоких штей бою копе* [35, 553] (ср. в других регионах: 1) публикацию А. В. Зубатенко сопровождает комментарий: «Эта фамилия упоминается в 1573/74 г., «против таможенные избы» в Муроме находился «полок пуст Ивашки Высоких Штей» [37, 306]; 2) В Российском

государственном архиве древних актов (РГАДА) хранится «Дело по челобитью поляка Глеба Яковлева об отдаче ему жены его из крепости от «посацкого» человека Ивана, **прозванием Высокие Шти** и о дозволении им жить в Кадашевой слободе» – историческая местность в московском районе Якиманка (1670 г. № 38 05.09.1670 05.09.1670); 3) «...*сентября в 2 день продал Васька **Высокие Шти** скотину Оське Созонову, взяв 3 р. Пошлины взято с Васьки алтын, да рогового взято с Оськи 2 алт.*» [36]; 4) «*во дворъ Микифорка Петровъ сын **Высокіе Шци***» [38, 8].

По мнению Е. Н. Поляковой «термин *прозвище* в деловом языке XVI–XVII вв. был нейтральным и употреблялся для характеристики некалендарных имен и индивидуальных прозвищ. Его синоним **прозвание** характеризовал только **индивидуальные прозвища** («Кунгурец Андрей Савин прозванием Широкая Лыжа») [16, 215]. При возникновении сложностей выявить мотивировочный признак, положенный в основу прозвища, исследователи могут указывать на уникальность материала, необходимость новых разысканий: «документы в отношении простого народа редко радуют исследователя записями трех поколений, и поиски таких подтверждений требуют адского труда. В некоторых случаях помогают косвенные доказательства. Например, одно и то же особо колоритное прозвище у различных лиц. Никем не отмечено неоднократное в документах именование **Высокие Шти**: в Муроме 1574 г., в Ярославле 1671 г., в Симбирске 1678 г., не исключено, что носители этого именованья связаны, хотя это еще требует доказательства; некоторые подтверждения все же есть – “*оска высокие шти живет у ивашка высоких штей*”» [12, 177].

Следует отметить, что данные говоры показывают обилие прилагательных, с которыми могло сочетаться слово *щи*, обозначая, как правило, определенный вид супа или то, что кладется в его основу: «1. то же, что *щанина*. 2. В сочетаниях. *Серые щи, суровые щи, толстые щи, черные...*» [28, 10, 85]; «*щи*, мн. 1. Суп, приготовленный из ячменной, овсяной или перловой крупы. 3. *Долгие щи*. *Щи из овсяной крупы*» [13, 1339]. Возможно, появление подобного прозвища было обусловлено бытовыми факторами: поварскими способностями человека или в основе именованья мог быть и метафорический перенос, ср. отношение к щам русского человека, зафиксированное в пословицах и поговорках: *где щи – тут и нас ищи; где щи да каша, там и место наше; щи – всему обеду голова; если хорошие щи, так другой пищи не ищи; родной отец надоест, а щи – никогда!*

Таким образом, материалы ярославских источников XVII века показывают необходимость дальнейшего изучения ярославской антропонимической системы, а также возможности сопоставительного анализа с антропонимикой других регионов с целью описания культурно-практического опыта человека в процессе становления имянаречения и демонстрации социокультурных и аксиологических представлений носителей русского языка.

Литература

1. Бурнашев, В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного / сост. В. Бурнашев: в 2 т. –Т. 1: А-Н. – СПб.: тип. К. Жернакова, 1843. – 487 с.
2. Васильев, В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли / В.Л. Васильев. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 813 с. – (1150 лет российской государственности).
3. Вахрин, С.И. Камчатка – Россия – Мир. Путешествие по времени II / С.И. Вахрин. – Владивосток: Дальпресс, 2024. – 324 с.
4. Власова, М.Н. Энциклопедия русских суеверий / М.Н. Власова. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 622 с.
5. Веселовский, С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 381 с.
6. Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий / И.М. Ганжина. – М.: АСТ: Астрель, 2001. – 670 с.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 ч.]. – Ч. 4. – М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1866. – 680 с.
8. Кюршунова, И.А. Двусосновные антропонимы в ономастике памятников XV–XVII вв. / И.А. Кюршунова // Научный диалог. – 2017. – № 2. – С. 57–74.
9. Кюршунова, И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. / И.А. Кюршунова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 667 с.
10. Мосин, А.Г. Уральские фамилии: материалы для словаря. – Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года) / А.Г. Мосин. – Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 2000. – 496 с.
11. Народный именовослов Русского Севера XV–XVII веков: происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень: [в 2 т.]. – Т. 1. А – М / сост. А.В. Кузнецов. – Вологда: ВОУНБ, 2020. – 186 с.
12. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
13. Областной словарь вятских говоров [Электронный ресурс]: словарь / отв. ред. З. В. Сметанина. – Изд. 2-е, доп. и испр. – Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2023. – 1351 с.
14. Питина, С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира / С.А. Питина. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2002. – 191 с.
15. Полякова, Е.Н. Этимологический комментарий в русском региональном словаре отпрозвищных фамилий // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 2(24). – С. 214–218.
16. Полякова, Е.Н. Словарь пермских фамилий / Е.Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 462 с.
17. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / отв. ред. И. А. Попов. – Ч. II. Человек. – СПб., 1994.
18. Скоморохи в памятниках письменности / [сост.: З.И. Власова, Е.П. Фрэнсис (Гладких)]. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 675 с.
19. Словарь говоров Русского Севера. – Т. 6: КОП – КЯРНА. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 342 с.
20. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. – СПб.: ИЛИ РАН, 2024–2025. URL: <https://xvi-xvii.iling.spb.ru/search?fts=%D0%B6%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 12.04.2025).

21. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. – Вып. 6. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 989 с.
22. Смольников, С.Н. Функциональные аспекты исторической антропониимики: на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. – СПб., 2005. – 425 с.
23. Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук. Ин-т лингвистических исследований; [сост.: Ю. Ф. Денисенко и др.]. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 2003-.
24. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. – Т. 1. А – К. – СПб., 1893. – 1420 стб.
25. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – СПб: тип. И. Н. Скороходова, 1903. – 857 с.
26. Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии / Б.-О. Унбегаун. – Изд-е 2-е. – М.: Прогресс: Универс, 1995. – 448 с.
27. Чайкина, Ю.И. Вологодские фамилии: словарь / Ю.И. Чайкина. – Вологда: Русь, 1995. – 121 с.
28. Ярославский областной словарь: учебное пособие / [сост. М.Н. Бородина и др.]. – Ярославль: ЯГПИ, 1984-.

Источники

29. 1634 (7143) г. сентября 1 – 1635 (7143) г. августа 31 – Таможенная книга г. Сольвычегодска сбора таможенных пошлин с иногородних торговых проезжих людей // Таможенные книги Московского государства XVII века. – Т. 1: Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633–1636 гг. – М.; Ленинград: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. – 888 с.
30. 7194 г. (1685 г.) 10 ноября писцовая книга посадских дворов, дворовых мьст и усадебь города письма и меры писцов: И.Т. Владычкина и подьячаго А. Гриденкова // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 585–614.
31. Город Ярославль. 7154 г. (1646 г.) книги переписныя переписи Тимофея Алексеева Собакина и подьячаго Ильи Кирилова // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 77–240.
32. Город Ярославль. 7177 (1668 г.) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 241–372.
33. Город Ярославль. 7178 г. (1669 г.) книги переписные Ярославлю городу // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 373–490.
34. Город Ярославль. 7139. (1621 г.) список с писцовой и межевой книги // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 11–364.
35. Город Ярославль. 7179. (1671 г.) переписная книга по г. Ярославлю // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913. – Стлб. 491–584.
36. Из истории земли Томской: Сб. документов и материалов: [в 2 вып.]. – Вып. 1: 1604-1917 / [Сост. А.Н. Жеравина и др.]. – Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Том. отд-ние, 1978. – 224 с.
37. Кучкин, В.А. Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Муром 1566 г. и Муромская сотная 1573/74 г.) // Археографический ежегодник за 1967 год. – М., 1969. – С. 291–315.

38. Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году: переписные книги Приказа Казанского дворца / под ред. П. Мартынова. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1902.

39. Переписная книга Дмитрова 1646 г. // Писцовая и переписные книги Дмитрова XVII – начала XVIII веков / сост. А. В. Матисон. – М.: Старая Басманная, 2019. – С. 45–64.

40. Перечневая опись города Ярославля 1630 года // Ярославские губернские ведомости. – 1861. – Ч. Неоф. – № 1–45.

41. Платежная переписная книга Поморской Пустозерской волости книг письма и дозора Василия ... Галина да подъячего Степана Федорова 7082 г (1573–1574) // Архив РИИ РАН. – Ф.115. – Оп.1. – Д.1174 4о. По листам: дияк Степан Лихачев.

42. Правая грамота Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и отца его Государева Великого Государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси на Спасову слободку и на Богоявленской приход и в Кремле городе и в остроге и за острогом и на посаде и на монастырские дворы и в них на жильцов и на служебников и на крестьянские дворы и на огородные места 7135 (1627) г. // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / изд. И. А. Вахрамеевым. – Т. 1. – М.: Синодальная типография, 1896. – С. 124–155.

43. Список с выписей ярославских книг письма и меры Ивана Никитича Головина да подъячего Никона Федорова, 135 и 136 и 137 году // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. – Т. 3: Выписки из писцовых и переписных книг. – М.: Синодальная типография, 1896. – С. 1–85.

44. Список с писцовой и межевой книги. 1621 // Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. – Ярославль: Типо-лит. Николаевой, 1913.

45. Списокъ съ челобитной на Ивашка Пашина // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. – Вып. 2. – М., 1892. – С. 373.

Т.П. Слесарева, А.А. Гладкова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: anngrin@mail.ru

e-mail: Slestp@yandex.ru

УДК 908(476.5):81'373.2

МЕМОРИАЛЬНЫЕ АТРИБУТЫ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВИТЕБЩИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАВСКОГО И ПОЛОЦКОГО РАЙОНОВ)

Ключевые слова: *мемориальная топонимика, мемориальные атрибуты, Витебщина, Поставский район, Полоцкий район.*

В статье рассмотрены мемориальные атрибуты как средство сохранения памяти о писателях Витебщины на примере Поставского и Полоцкого районов.